

Подходы к изучению древнейшей глиняной посуды Восточной Европы (ответ оппонентам)

1. Методика исследования

Методы исследования и термины, используемые в нашей работе, являются широко распространенными и применяются учеными на протяжении уже нескольких десятков лет. В разработке этого направления участвовала целая когорта исследователей в области этноархеологии, экспериментальной археологии и описательной археологии (Shepard 1985 (1956); Creswell 1976, 1983; Gosselain 2002; Livingstone-Smith 2001; Objets de pouvoir... 2006; Gallay 1991; Rye 1981; Rice 1987; Arnold 1985 и др.). Реконструкция приемов изготовления сосудов основывается на изучении макроследов, фиксирующихся на поверхности и профиле (Balfet 1966; Rye 1981; Rice 1987; Livingstone Smith 2001; Gelbert 2003; Van Doosselaere 2012). Она включает изучение внутренней структуры сосуда, видов и направления сломов, течения глины в вертикальном и горизонтальном профиле, поверхности, толщины стенок. Также она предполагает и применение петрографических, геохимических и радиографических методов исследования (Rye 1981; Carr 1993; Livingstone Smith 2001, Berg 2008). Собственно методика А. А. Бобринского (Бобринский 1978) подразумевает ту же реконструкцию последовательности технологических приемов, и в наших работах мы учитываем его идеи и подходы. При работе с массовым керамическим материалом все наблюдаемое разнообразие очень сложно вписать в жесткие схемы А. А. Бобринского. В этом случае исчезает мозаичность традиционной культуры. На основе проведенных многочисленных этнографических исследований в различных регионах мира показано, что технология изготовления сосудов и морфология действительно обусловлены целой серией факторов — культурных, естественных, функциональных. При этом культурному фактору отдается безусловное предпочтение в сложении керамических традиций и при интерпретации археологического керамического материала. Учет многообразия факторов, влияющих на сложение керамических традиций, позволяет совершенно по-новому взглянуть на изменения или различия керамических комплексов.

К примеру, этнографические исследования показали, что существует большое количество различных способов конструирования сосудов. Указанное И. Н. Васильевой существование только трех способов конструирования сосуда не находит подтверждения в этнографических материалах. Так, Ливингстон-Смит (Livingstone-Smith 2001) выделил 44 варианта шести основных техник в африканских регионах к югу от Сахары — формовка из куска глины, лепка

с помощью лент, лепка из куска глины и вытягивание сосуда, растягивание глиняных лент-колец, лепка с помощью выбивания, моделирование на форме. По его мнению, эти техники и их варианты не могут рассматриваться как явления одного порядка. Некоторые варианты могли возникнуть в среде различных мастеров, обучающих своих учеников, другие могут быть связаны с дальнейшим существованием этих традиций и их видоизменением или же с изготовлением различных по форме и размерам сосудов.

Изготовление любого сосуда заставляет мастера сделать серию «технологических выборов» (Lemonnier 1993; Schiffer, Skibo 1997; Sillar, Tite 2000; Tite 2008), выбирая из возможных типов сырья, орудий, энергетических ресурсов (сушка на солнце, использование животных для доставки сырья, приспособлений для обжига и т. д.), техник, последовательностей приемов. Каждый технологический выбор находится в зависимости от других технологических выборов, которые все в итоге составляют цепочку технологических операций (Sillar, Tite 2000: 3–5). Существует целый набор факторов, которые влияют на технологический выбор: природное окружение, уровень навыков, экономическая система, тип производства, функциональное назначение керамики (например, необходимость определенного типа обработки поверхности для кухонных сосудов (Schiffer 1990)), ее распространение, необходимые визуальные и тактильные характеристики данной керамики, социальные и идеологические факторы. Обычно установленная последовательность этапов/операций достаточно фиксирована, а создание новой последовательности операций для достижения того же результата может быть затруднительно (van der Leeuw 1993: 258). Именно поэтому необходимо исследовать все видимые макроследы, на основе которых может быть реконструирована цепочка технологических операций, а не выбирать лишь отдельные ее составляющие (например, анализировать, как предлагает И. Н. Васильева, только формовочную массу и сырье).

Механизмы распространения и изменения керамических традиций, появления новых технологий, заимствования и передачи навыков также могут быть разнообразными. Подверженность традиций изменениям обусловлена тем, что они существуют и развиваются в живом организме — социуме. Так, небольшая стилистическая вариабельность могла возникать в рамках социума из-за неточного копирования (Hodder 1982: 51). Определенные ограничения могут накладываться и сами сложившиеся навыки, и их восприимчивость к изменениям. Иногда оказывается проще использовать новый прием, чем видоизменять привычные техники (Gelbert 2003: 59). Отсюда возникает вопрос о возможности эволюции различных технологий (Gelbert 2002).

Традиции распространяются не только вертикально (от поколения к поколению), но одновременно и горизонтально в пределах группы практикующих мастеров (Gosselain 2002). Этнографические исследования распространения навыков изготовления глиняной посуды в традиционной культуре показывают, что мастера зачастую находятся под влиянием с разных сторон и обучаются у многих индивидуумов, поэтому мастера могут рассматриваться не только как пассивные хранители традиционного знания, но и как активные передатчики и трансформаторы своих навыков изготовления посуды (Sinopoli 1991: 120). Часто встречаются и случаи имитации новых традиций, в этом процессе

большую роль играет готовность местного населения к восприятию инноваций (Petrequin 1993).

Разные в языковом плане группы могут использовать одну и ту же технологию. Это говорит о том, что иногда географическая близость играет более важную роль, чем лингвистическая и историческая (Gosselain 2002: 136). Причем распространение знания зависит не от географической близости, а от той зоны, в пределах которой люди путешествуют и поддерживают какое-либо социальное взаимодействие, и зона эта может достигать несколько сотен километров (Gosselain 2008: 72–75). Засвидетельствованы случаи существования «бродячих» мастеров (Joffre 2011). Известны также случаи, когда несмотря на активные культурные контакты, керамика остается неизменной (Gelbert 2003, 2002). Все эти этнографические источники показывают большое многообразие исторических реалий, свидетельствуя в пользу возможного многообразия в древности.

Кроме того, необходимо учитывать и существовавшие в древности «границы», которые разделяли социумы. Так, судя по этнографическим исследованиям, могут выделяться социальные границы нескольких уровней: в пределах речной долины, региона и деревни (Stark et al 2000: 302). Например, две деревни на Филиппинах, находящиеся на расстоянии 2 км друг от друга, несмотря на близкое расположение, принадлежат к двум различным сообществам (Stark et al 2000: 303). Это наблюдение важно при объяснении различий в глиняной посуде, фиксируемых в различных археологических микрорегионах, на соседних памятниках.

Разнообразие в формовочной массе может быть отражением как слабых культурных связей между маленькими группами каждого домохозяйства, так и используемых и доступных им разных ресурсов. Кроме того, выбор глины и выбор рецептуры самой формовочной массы может основываться как на технологических, так и на нетехнологических (т. е. традиционных/культурных) представлениях (Gosselain et al. 2005: 40). Изменения в выборе источников сырья при сохранении других составляющих технологических цепочек могут обуславливаться недоступностью прежних источников сырья, например, в результате произошедших изменений климата, повлекших изменение уровня воды в водоемах.

Использованные в данной работе термины включены в словарь терминов керамических технологий (Balfet et al. 1988). Также и многие технологии, описанные здесь, такие как лепка округлых днищ лентами, укладывавшимися по спирали с нажатием, лепка лоскутами и т. д., описаны во многих археологических (Gomart 2012; Visseyrias 2007; Vandiver 1987) и этнографических работах (Livingstone Smith 2001; Gosselain 2002). Собственные экспериментальные исследования и исследования коллег позволили соотнести макроследы, полученные на экспериментальных сосудах, со следами, зафиксированными нами на археологической керамике, рассматриваемой в статье. Вопрос о жестком определении в археологических статьях типов использованных строительных элементов, как то «лента» или «жгут», является дискуссионным: имея дело с конечным продуктом — глиняным сосудом — мы не можем точно сказать, какова была первоначальная форма деталей, так как они предстают перед нами уже в деформированном виде.

Важно отметить, что все материалы были исследованы нами одними и теми же методами. Привлечение большого количества признаков при анализе столь фрагментарного источника позволяет сравнивать различные комплексы на одном и том же иерархическом уровне. Применение современных аналитических методов для изучения древней керамики дает возможность количественно установить минеральный и химический составы формовочной массы, идентифицировать источники сырья (Feliu et al. 2004; Papadopoulou et al. 2006; Bastie et al. 2006; Peterson 2009).

Петрографический и геохимический анализы позволяют исследователю подняться на совершенно новый уровень исторических интерпретаций. Это особенно хорошо продемонстрировано в случае с керамикой сертейской культуры, где были проанализированы фрагменты, происходящие от 216 сосудов из общего количества 250–255 сосудов. Для комплекса памятника Ракушечный Яр была проанализирована методами петрографии только небольшая часть всего комплекса (табл. 1), что позволило нам лишь наметить определенные вопросы, которые требуют решения. Однако уже на данном этапе исследования можно предположить, что на выбор источников сырья влияла его доступность. Поэтому выводы о культурной принадлежности, основанные только на наличии различных типов сырья, используемых при изготовлении сосудов, должны быть сделаны после анализа и других составляющих цепочки технологических операций, так как выбор сырья обусловлен различными факторами, которые необходимо выявить.

За вопросами И. Н. Васильевой, связанными с петрографией, стоит, видимо, недооценка достижений в данной научной области. Так, специалисты-петрографы действительно могут зафиксировать фитозоопланктон и определить наличие прибрежной растительности (Жущиховская, Залищак 1986; Дубицкая 2002). На фотографиях шлифов как раз видны подобные остатки, которые опять же могут быть определены петрографами. Также специалисты могут идентифицировать искусственные и естественные остатки (Rice 1987; Stoltman 1989). Необходимо отметить, что термины, используемые в нашей статье, являются традиционными определениями, принятыми в четвертичной геологии. Например, термин «глинисто-илистые фракции» обозначает отложения, образованные в пойме речной системы, и является общепринятым геологическим термином. Представленную же в работах нашего оппонента эволюционную цепочку развития выбора сырья от илов к глинам необходимо доказывать: пока это чисто умозрительная модель.

К сожалению, приходится отметить частое искажение наших мыслей в отзыве И. Н. Васильевой. Здесь и приписывание нам определения сосуда как набора «максимально возможного количества признаков», и утверждение, что в статье нигде не дается определение термина «шамот». Также рецензент вводит в заблуждение читателей, говоря о том, что ее выводы о том, что проанализированные ею 11 фрагментов керамики памятника Ракушечный Яр выполнены из илов, находят подтверждение в нашей статье. Напротив, при анализе одного из фрагментов сосуда, выполненного по определению И. Н. Васильевой, из илов (оп. хр. 325–29/85; рис. 3, 14), нами были получены абсолютно другие результаты: данный сосуд изготовлен из жирных глин гидрослюдистого состава с кластической составляющей (10 %): слюда, кварц. В нем присутствуют

включения разложенных остатков раковин и органики. В качестве отощителя использован алеврит (10 %), размер зерен 0,07–0,7 мм. Состав алеврита: кварц, полевой шпат, зерна средней окатанности. Источниками вещества служили обогащенные органикой отложения из поймы и алеврит из береговых частей на суходоле.

Совершенно непонятно предположение, что наши наблюдения сделаны без «базовых навыков». Проведенные авторами статьи экспериментальные работы, знакомство с опытом иностранных коллег, профессиональная подготовка одного из соавторов в области петрографии и геохимии как раз и позволили выполнить подобный комплексный анализ керамических комплексов.

2. Вопросы неолитизации Восточной Европы и ранние керамические комплексы

Раннее появление глиняной посуды отдельно от распространения производящего хозяйства зафиксировано в Южном Китае 16–15 тыс. л. н., на Дальнем Востоке и в Японии 13 тыс. л. н. (Budja 2010: 118), в Северной Африке 10–8 тыс. л. н. Керамика появляется в этих регионах независимо друг от друга и получает достаточно широкое распространение. Так, в Северной Африке глиняная посуда сразу после своего появления быстро распространяется на расстояние в 3000 км (Close 1995: 32). Причинами, почему керамика, которая могла быть сделана практически везде, стала предметом обмена/распространения, могут быть высокие эстетические или утилитарные качества определенных сосудов, их содержимое (Moore 1995: 47), престижность (Hayden 1998) и т. д.

В отличие от этих ранних керамических комплексов, глиняная посуда на территории Восточной Европы является принесенным явлением, воспринятым местным мезолитическим населением, которое по каким-то причинам отказалось от других составляющих «неолитического пакета». Керамика с момента своего появления, по всей видимости, заняла особое место в культуре местного населения (Mazurkevich et al. 2006). Пути ее распространения на огромном пространстве протяженностью около 2000 км от Северного Прикаспия и Нижнего Подонья до р. Сухоны на севере, видимо, связаны с речной системой, идущей в меридиональном направлении, соединяющей юг с севером. Механизмы и сам процесс распространения требуют своего изучения.

Первые керамические традиции могли наложиться на уже существовавшую в мезолите систему связей. Исследователи отмечают разную природу контактов групп населения, живших на соседних территориях (в пределах 300–400 км) и на более дальних расстояниях (более 600 км), когда контакты приобретают в большинстве своем ритуальный характер и фиксируется распространение «экзотических» вещей (Whallon 2006: 262–264).

Все эти свидетельства вместе с анализом глиняной посуды позволили нам выдвинуть гипотезу о существовании «первичных» и «вторичных» центров в раннем неолите Восточной Европы, различных механизмах распространения глиняной посуды, ее особой роли в культуре местного населения ряда регионов и ее «транскультурном» характере.

3. Формальности

Не отраженные в статье более подробно вопросы, связанные со статистикой различных форм сосудов и т. д., являются сюжетом отдельного исследования, которое готовится к публикации. Здесь нам пришлось ограничиться лишь описанием определенных тенденций без выкладывания количественных данных, на основе которых и были сделаны эти выводы. Необходимо отметить еще раз, что нами были учтены все фрагменты глиняной посуды памятника Ракушечный Яр (слой 23–11) и ранненеолитических памятников Днепро-Двинского междуречья. Только такой анализ дает возможность полноценно характеризовать древние комплексы. Изучение связи керамического и каменного инвентаря является темой совершенно отдельного исследования, которое должно учитывать мозаичный характер керамических традиций.

Литература

- Дубицкая Н. Н. 2002. Керамическое производство Белорусского Поднепровья в VIII в. до н. э. — V в. н. э. Минск: Институт истории НАН Беларуси.
- Жущиховская И. С., Залищак Б. Л. 1986. Петрографический метод в изучении древней керамики (на материале неолитических средневековых культур Приморья) // Дьякова О. В. (ред.). Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 55–67.
- Balfet H. 1966. La céramique comme document archéologique // BSPF 63, 278–310.
- Balfet H., Fauvet M. F., Monzon S. 1988. Lexique plurilingue pour la description des poteries. Paris: Editions du CNRS.
- Bastie P., Hamelin B., Fiori F., Giuliani A., Giunta G., Rustichelli F., Gysens J. 2006. A new method based on hard x-ray diffraction for the investigation of archaeological artifacts // Measurement Science and Technology 17, L1-L3.
- Berg I. 2008. Looking through Pots: Recent Advances in Ceramics X-radiography // JAS 35, 1177–1188.
- Budja M. 2007. The 8200 calBP ‘climate event’ and the process of neolithisation in south-eastern Europe // DP 34, 191–201.
- Carr C. 1993. Identifying individual vessels with X-radiography // AA 58, 96–117.
- Close A. 1995. Few and far between: early ceramics in North Africa // Barnett W. K., Hoopes J. W. (eds.). The Emergence of Pottery: Technology and Innovation in Ancient Societies. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 23–37.
- Feliu M. J., Edreira M. C., Martin J. 2004. Application of physical-chemical analytical techniques in the study of ancient ceramics // Analytica Chimica Acta 502, 241–250.
- Gelbert A. 2002. Emprunt technique et changement gestuel: mesure des contraintes motrices en jeu dans les empreints céramiques de la vallée du Sénégal // Bril B., Roux V. (dirs.). Le geste technique. Réflexions méthodologiques et anthropologiques. Ramonville Saint-Agne: Editions Erés, 261–281.
- Gelbert A. 2003. Traditions céramiques et emprunts techniques dans la vallée du fleuve Sénégal. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l’homme.
- Gomart L. 2012. Traditions techniques et production céramique au Néolithique ancien. Étude de huit sites rubanés du nord est de la France. Thèse de doctorat. Paris.
- Gosselain O. 2008. Thoughts and adjustments in the potter’s backyard // Berg I. (ed.). Breaking the Mould: Challenging the Past Through Pottery. Oxford: Archaeopress, 67–81 (BAR IS 1861).

- Gosselain O. P., Livingstone Smith A.* 2005. The source clay selection and processing practices in Sub-Saharan Africa // Livingstone Smith A., Bosquet D., Martineau R. (eds.). *Pottery Manufacturing Processes: Reconstruction and Interpretation*. Oxford: Archaeopress, 33–47 (BAR IS 1349).
- Joffre R. G.* 2011. The swallow potters: Seasonally migratory styles in the Andes // Scarcella S. (ed.). *Archaeological Ceramics: A Review of Current Research*. Oxford: Archaeopress, 160–175 (BAR IS 2193).
- Lemonnier P.* (ed). 1993. *Technological Choices. Transformation in Material Cultures Since the Neolithic*. London: Routledge.
- Moore A. M. T.* 1995. The inception of pottery in Western Asia and its impact on economy and society // Barnett W. K., Hoopes J. W. (eds.). *The Emergence of Pottery: Technology and Innovation in Ancient Societies*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 39–64.
- Papadopoulou D. N., Lalia-Kantouri M., Kantiranis N., Stratis J. A.* 2006. Thermal and mineralogical contribution to the ancient ceramics and natural clays characterization // *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry* 84, 39–45.
- Petrequin P.* 1993. North wind, south wind. Neolithic technical choices in the Jura mountains, 3700–2400 BC // Lemonnier P. (ed.). *Technological Choices. Transformation in Material Cultures Since the Neolithic*. London: Routledge, 36–76.
- Schiffer M.* 1990. The influence of surface treatment on heating effectiveness of ceramic vessels // *JAS* 17, 373–381.
- Schiffer M., Skibo J.* 1997. The explanation of artifact variability // *AA* 62, 27–50.
- Sillar B., Tite M. S.* 2000. The challenge of ‘technological choices’ for material science approaches to archaeology // *Archaeometry* 42, 2–20.
- Sinopoli C.* 1991. *Approaches to Archaeological Ceramics*. New York: Plenum Press.
- Stark M. T., Bishop R., Miksa E.* 2000. Ceramic technology and social boundaries: cultural practices in Kalinga clay selection and use // *JAMT* 7, 295–331.
- Stoltman J. B.* 1989. A quantitative approach to the petrographic analysis of ceramic thin-sections // *AA* 54, 147–160.
- Peterson S. E.* 2009. *Thin-Section Petrography of Ceramic Materials*. INSTAP Archaeological Excavation Manual 2. Philadelphia: INSTAP Academic Press.
- Tite M. S.* 2008. Ceramic production, provenance and use: a review // *Archaeometry* 50, 216–31.
- Van Doosselaere B.* 2010. *Poterie et histoire au temps des grands empires ouest Africains. Etude technologique de l’assemblage céramique de Koumbi Saleh (Mauritanie 6–17 siècles)*. Thèse de doctorat. Paris.
- Visseyrias A.* 2007. Ce pot est-il monté au colombin ? Approche de la variabilité des techniques de façonnage céramique à la fin de l’âge du Bronze entre Rhin et Rhône // Even J. (dir.). *Un siècle de construction du discours scientifique en Préhistoire*. Vol. III. Paris: Société préhistorique française, 413–426.
- Whallon R.* 2006. Social networks and information: Non-“utilitarian” mobility among hunter-gatherers // *JAA* 25, 259–270.